

По мнению А. З. Романенко, Маркс в этой своей работе «занял точную, глубоко научную, классовую позицию» (с. 15). В другом месте своей книги Романенко, вновь ссылаясь на Маркса, говорит об изучении влияния еврейства на формирование «общего современного антисоциального элемента» как о важном научном направлении. Далее он изменяет обычно соблюдаемой им манере и, отказываясь от излюбленного эвфемизма «сионизм», прямо высказывается о роли «еврейства в появлении... зловещего режима в ЮАР», о роли «еврейской финансовой торгово-ростовщической касты» в порабощении Африки (с. 174—175) (разрядка моя.— Н. Р.).

Мне представляется, что в отличие от А. З. Романенко, выживающего из работ классиков марксизма то, что подходит к его антисемитским взглядам, и спекулирующего на этих цитатах, настоящие ученые должны рассматривать классическое наследие целостно, исторически. И это не исключает критического отношения к отдельным элементам наследия классиков.

Важнейшие положения книги А. З. Романенко не только поражают своей научной несостоятельностью. Это не просто невежественный взгляд на вещи. Подобные идеи приобрели в наши дни откровенно политический характер. Это прежде всего относится к концепции сионистско-масонского заговора, основанного на якобы присутствии евреев в понятии о своем превосходстве над другими народами и на их стремлении к мировому господству. Элементом подобной концепции является систематическое очернение истории и культуры еврейского народа. В последнее время такие взгляды и их социальная роль получили должную оценку в советской печати¹⁰.

Изучая национальный вопрос во всех его сложных аспектах, мы не можем заниматься поисками «контрреволюционных наций», якобы ответственных за все наши беды. Принципы объективного научного исследования должны сочетаться в нашей работе с гуманистическими интернациональными идеалами.

Н. Е. Руденский

¹⁰ См. *Носенко В., Рогов С.* Осторожно, провокация! Кому нужны черносотенные мифы? // *Огонек.* 1988. № 23. С. 6—7.

НАРОДЫ СССР

Крым: прошлое и настоящее/Отв. редакторы Агаджанов С. Г., Сахаров А. Н. Институт истории АН СССР. М., 1988. 108 с.

Эта книга, еще не написанная и не объявленная в издательских планах, вызывала огромный интерес. Работа над ней началась осенью 1987 г. по инициативе Государственной Комиссии по проблемам крымских татар. Ожидалось, что, наконец, раскроются архивы, опубликуют данные о численности и современном положении крымских татар, будут предложены новые интерпретации их далекой и совсем недавней истории. Все располагало к этому: большой коллектив авторов — профессиональных ученых (пять докторов и пять кандидатов наук), авторитет академического Института истории СССР. Поражали и сроки: рукопись была сдана в набор в марте 1988 г., и уже в мае книга появилась на прилавках магазинов. Весь цикл ее создания занял считанные месяцы.

И вот книга перед нами. Однотонная бумажная обложка, шесть печатных листов убористого текста. Ни одной карты или другой иллюстрации — редкость для «Мысли», бывшего «Географиза». Большой тираж — 50 тыс. экземпляров.

Новое издание имеет привычную структуру для популярных исторических сочинений. Оно включает 13 глав, выстроенных в хронологической последовательности: «Древний Крым», «Крым в средневековье» (автор — М. В. Бибииков), «Крым в составе Золотой Орды» (В. Л. Егоров), «Крымское ханство в XV—XVI вв.» (А. М. Некрасов), «Крымское ханство в XVII в.» (Г. А. Санин) и т. п. Правда, соотношение между главами и периодами неравномерное. Вся история Крыма от палеолита до 1917 г. занимает 39 страниц; на пять последних глав новейшего периода: «Крым в период буржуазно-демократической революции...», «Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции...», «Крым в период восстановления народного хозяйства...», «Крымская область в условиях дальнейшего развития социализма в СССР» (их автор — Г. Е. Трапезников), «Крым в Великой Отечественной войне» (А. В. Басов) — приходится в полтора раза больше.

Конечно, изложить полное спорных и запутанных проблем прошлое Крыма на 100 страницах — нелегкая задача. Некоторые из авторов в последние годы опубликовали обширные монографии; теперь их приходится пересказывать на нескольких страницах¹. Этот дефицит пространства в значительной степени определяет лицо рецензируемой книги. Местами она напоминает краткий учебник по истории Крыма, а местами — просто конспект.

¹ См., например: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985; *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987; *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1987.

В особенности это относится к главам, описывающим события до 1917 г. Три абзаца — на античный Херсонес, по две фразы — об истории готов и хазар в Крыму, одна фраза — о дипломатических контактах Менгли-Гирея с Русью (без всякого упоминания о его личной переписке с Иваном III). Ко всей истории Крыма до 1917 г. нет ни одной ссылки на литературу кроме двух цитат из работы В. И. Ленина «„Крестьянская реформа“ и пролетарско-крестьянская революция» (1911) ².

Но даже в условиях такой крайней стесненности авторы первых глав сумели предложить более сбалансированные интерпретации или, во всяком случае, изменить некоторые акценты по сравнению с предыдущими публикациями по истории Крыма. Во-первых, весь позднесредневековый период в Крыму рассматривается именно как история Крымского ханства, которое до сих пор оставалось на периферии основных изысканий. Во-вторых, смягчены, а кое-где и олушены ставшие стереотипными тезисы о каком-то необъяснимом историческом «отставании» этого ханства, его «паразитической» и «хищнической» сущности, «неспособности» к прогрессивному развитию. В-третьих, Крымское ханство, наконец, выведено на широкую политическую арену Восточной и Южной Европы, где оно неожиданно предстало крупной военной и политической державой, а не просто дикой грабительской силой, примечательной в истории только тем, что она угрожала благосостоянию Руси. Такое освещение явно приближает нас к более объективной позиции.

Но если в области собственно исторического описания положение стало меняться, то этнографические пассажи первых глав изобилуют многочисленными неточностями и недостатками. В главе «Крымское ханство в XV—XVI вв.» нам излагается схема деления крымских татар на три группы: «...первую из них составляли так называемые степные (северокрымские), вторую — средние (?!), и третью — южнобережные татары... Среди крымских татар выделяется и определенная часть, которая называлась „ногайлы“» (?) (с. 23). Никакого отношения к XV—XVI вв. эта схема не имеет и описывает ситуацию XIX — начала XX в. Полная путаница с этнонимами: термин «средние татары» вообще неуместен — «средним» называется диалект (по-татарски *'орта-йолак'* — «средняя полоса»), на котором говорят подразумеваемые автором предгорные или горные татары. Этноним «ногайлар» («ногай», «ногай татарлары») вместо мифического «ногайлы» употребляется для обозначения степных татар, а не какой-то еще одной «определенной части», под которой автор, возможно, имеет в виду потомков ногайцев в составе крымских татар.

Крайне нечеткой выглядит и предложенная схема этногенеза крымских татар. «В XIII—XVI вв. население Таврического полуострова (!), издревле отличавшееся своей многоэтничностью, становится еще более сложным и неоднородным. Кроме обитавших здесь ранее греков, алан, русов, болгар, караимов, эхов (? — так в тексте — И. К.), кипчаков появляются монголы, итальянцы, армяне... Состав местного населения пополняется также за счет многочисленных пленных самого различного происхождения» (с. 22). Хорошо, конечно, что подчеркивается многонациональность субстрата; но остается необъяснимым, почему и как в таком «котле» народностей все же образовалась этническая общность *крымских татар* со своим языком, религией, культурной традицией, четким самосознанием.

Стремление постоянно подчеркивать многонациональный состав населения Крыма во все эпохи толкает авторов к составлению бесконечных списков народов, населявших полуостров. Здесь, к сожалению, очень легко оказаться неточным. «Еще слабо решаются (в наши дни.— И. К.) задачи, связанные с культурными запросами ряда наций и народностей, проживающих в Крыму, таких как греки, армяне, караимы, эстонцы, крымские татары» (с. 104). Пусть читатель сам расставит по порядку народы и их культурные запросы, если крымские греки и армяне были выселены из Крыма вместе с татарами в 1944 г., а эстонцев даже в далеком 1926 г. насчитывалось всего несколько селений (около 1,5 тыс. чел.). Или: «В Крыму издавна обитали также славяне, готы, армяне, представители многих других народов» (с. 4). Такой список, где на первое место поставлены славяне, с точки зрения современной науки трудно-объясним.

В тексте много неточностей, пропусков, неряшливых фраз. Например: «Древнейшими насельниками Крыма были киммерийцы и скифские племена» (с. 4) — тавры почему-то отсутствуют. «Известно несколько скифских племен Северного Причерноморья: царские скифы, обитавшие и в Крыму, скифы-кочевники, скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы-воины» (с. 8). Здесь все смешано — этнонимы Геродота, которые не обязательно соответствуют «племенам», элементы сложной реконструкции кастового состава скифского общества. Словом «известно» они никак не соединяются. Примеры можно продолжить.

Но обратимся к пяти последним главам книги, где описывается история Крыма накануне и после 1917 г. (с. 47—105). Здесь у авторов иные условия: больше объем, хронологически короче главы-периоды, есть место для деталей и ссылок. Да и смысловая нагрузка на эту часть совсем иная.

Мне трудно судить, насколько полно и содержательно изложены факты политической истории Крыма XX в. Отмечу лишь, что главы явно перегружены цифрами и малозначимыми подробностями. Количество тракторов и объем капиталовложений, рост урожаев и надоев, число детей в школах и койкомест в здравницах, номера полков и дивизий, имена передовиков и героев... Стиль знакомый, но мало что остается в памяти читателя.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20.

С точки зрения этнографов, эти главы содержат мало ценной информации. В книге всего две таблицы (с. 47, 67); они показывают национальный состав населения Крыма на 1917 и 1921 гг. При этом почему-то пропущены украинцы, включенные, судя по цифрам, в состав русских. Зато, конечно, сказано, что в Крыму в 1921 г. «жило 70 наций и народностей» (с. 67). Никто не будет отрицать многонациональность населения Крыма, но даже при беглом подсчете видно, что на долю выделенных в таблице 11 народов приходилось 98,9% всех жителей. Остальные 59 «наций и народностей» насчитывали в общей сложности около 7 тыс. человек — в среднем по 120 человек на «нацию».

Вообще не упомянуты и данные переписей населения 1923, 1926, 1939 и 1959 гг., а также материалы текущего республиканского учета населения. А ведь они имеются во всех предвоенных энциклопедиях и справочниках³. Напрасно мы будем искать и какие-либо сведения о современной численности и расселении крымских татар, столь интересные и для специалистов, и для широкого читателя. Нам предложили лишь давно известные цифры национального состава населения Крымской области по переписям 1970 и 1979 гг., где крымские татары не выделены среди прочих татар. Увы, не открылись архивы, не появилась новая статистика... Помогла одновременно с выходом книги газета «Комсомольская правда», назвав цифру 17,5 тыс. крымских татар, проживающих сейчас в Крыму⁴.

Очень скупо изложена история национального и культурного строительства в Крымской АССР в 1920—1930-е годы. Почему бы не рассказать читателю, что в республике в 1930-е годы было 20 районов, из которых 11 считались «национальными»; 6 татарских — Фоти-Сальский, Бахчисарайский, Балаклавский, Ялтинский, Алуштинский, Судакский; 2 немецких — Биюк-Ойларский и Тельмановский; 2 еврейских — Фрайдорфский и Лариндорфский; 1 украинский — Ичкинский? Источник вполне надежный — «Малая Советская энциклопедия» (2-е изд. М., 1936. Т. 5. С. 1012.) Почему не описать, как была устроена многонациональная жизнь в Крыму — со школами и техникумами, библиотеками и детскими садами, избами-читальнями и судебными учреждениями на десятке разных языков? Ведь это драгоценное и почти забытое наследие ленинской национальной политики в ее реальном воплощении. Кому не интересно узнать, что, согласно Конституции Крымской республики, ее государственными языками были объявлены татарский и русский, а флаг и герб республики имели надписи на двух языках⁵? Вместо этого нам сообщают, что республика была организована «по территориальному признаку» (с. 68).

Жаль, что ничего не сказано и о научных учреждениях, которые в предвоенное время вели изучение истории и этнографии Крыма, — Крымском НИИ языка и литературы им. А. С. Пушкина в Симферополе, Восточном институте в Ялте, местных краеведческих центрах. В перечне существовавших в Крыму музеев почему-то пропущен Государственный дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае, имевший свои издания на двух языках, специализированные этнографические и археологические экспедиции (с. 74).

Наверное, излишне предъявлять авторам претензии за то, что не написано в их книге. Обратимся к тому, что там написано, тем более что в условиях ограниченного объема сам отбор фактов имеет важное значение. И здесь невозможно пройти мимо того, как освещены в последних главах три сюжета: дело Вели Ибраимова 1928 г.; положение в Крыму во время немецкой оккупации и выселение народов в 1944 г.; современная судьба крымских татар. Не побоюсь сказать, что два последних сюжета имеют ключевое значение для всего замысла книги и ее общей оценки.

Рассказ о «деле» Вели Ибраимова занимает две полные страницы (с. 69—71). Любому читателю сейчас ясно, что «заговор», в котором участвовали председатель ЦИК, председатель Совнаркома, прокурор, несколько наркомов, секретарь комсомола республики, мог быть только сфабрикованным политическим процессом для оправдания репрессий против местного партийного руководства. Зачем же надо в 1988 г. вновь писать о «тайных совещаниях», «планах осуществления антисоветских акций», «проповедях панисламизма и пантюркизма», контактах с Троцким и троцкистами? Разве нельзя весь этот «жанр» исторической науки навсегда оставить в прошлом? Тем более, что большинство названных людей давно реабилитированы и посмертно восстановлены в партии, о них пишутся воспоминания, а пережившие репрессии (например, Бекир Умеров, который в тексте превращен в двух разных людей — Бекира и Умерова — с. 70) стали персональными пенсионерами.

Ключ мы найдем в следующих фразах: «Разгром велибраимовщины не означал, однако, исчезновения всех связанных с нею проблем. Многие сторонники этой группировки затаились (в истерзанном сталинскими репрессиями Крыму 1930-х годов! — И. К.) и ждали своего часа, который пробил в годы фашистской оккупации» (с. 71). Вряд ли такой текст можно назвать «передовым словом» современной исторической науки.

К сожалению, с прежних позиций освещается в целом трагический период оккупации Крыма и не менее трагическое выселение крымских татар, армян, греков, болгар (добавлю: чудом уцелевших крымских цыган) сразу после освобождения полуостро-

³ Общая бедность и неаккуратность этнодемографических данных — одна из характерных черт книги. В полной мере это относится как к XX, так и к XVIII—XIX вв. (где опущены статистические сведения о населении Крыма, приводимые П. Палласом, А. Скальковским, П. Кепленом, А. И. Маркевичем и др.).

⁴ Комсомольская правда. 1988, 21 мая.

⁵ Конституция Крымской Советской Социалистической республики. Симферополь, 1924. С. 10—11.

ва. С одной стороны, выселение называется «крупнейшим нарушением основных принципов ленинской национальной политики партии» (с. 99), говорится об очевидной бессмысленности «утверждения о коллективной ответственности всего народа за сотрудничество с оккупантами» (с. 91). С другой стороны, пять страниц текста посвящено описанию этого сотрудничества, и лишь в одной фразе сообщается, что «в партизанских отрядах сражалось много коммунистов и комсомольцев, в том числе и татарской национальности» (с. 84—85). Балац информации, предлагаемый читателю, явно тенденциозный.

Давно и официально объявлено, что решение о депортации в 1944 г. было необоснованным и несправедливым. Ясно, что постановление о выселении пяти народов, принятое 11 мая 1944 г., когда в Севастополе еще продолжалось сопротивление фашистских войск, не могло опираться на какую-либо юридическую процедуру выявления и наказания коллаборационистов. Оно диктовалось иными мотивами, которые ждут еще своего освещения историками. Но читатели вправе ожидать от специалистов корректного и взвешенного описания событий.

Вряд ли поэтому можно назвать корректными приводимые цифры и пропорции (!) числа татар, сотрудничавших с немцами (с. 82—83), вычисленные к тому же по немецким источникам. Еще более неэтично постоянное муссирование темы татарских коллаборационистских военных и гражданских формирований, участия татар в карательных батальонах при полном умолчании о такой же деятельности представителей других народов. Во всех оккупированных районах, независимо от состава населения, существовали местная администрация, полицейские и вспомогательные части. Значит, были бургомистры и старосты, полицай и охранники, предатели всех национальностей. В чем же тогда наша этика: оценивать целые народы по числу предателей? Но зачем нам вновь предлагают это лишь для одного народа с такой горькой судьбой?

Столь же двойственное чувство оставляет и последняя глава—«Крымская область в условиях дальнейшего развития социализма в СССР», где неполные 4 страницы (из 13) посвящены современному положению крымских татар. Пожалуй, это самый подробный очерк на такую тему в центральном научном издании. Хорошо, что читатель может теперь узнать имена современных татарских поэтов и писателей, услышать о газете и журнале, выходящих в Узбекистане на крымско-татарском языке, или деятельности докторов наук — крымских татар (с. 101—102). Но опять мы в изобилии встречаем полуфразы с полунформацией: «Крымские татары и другие национальности, выселенные из Крыма, частично вернулись в край и живут сейчас в основном в Крымской и Херсонской областях» (с. 100); «Татары живут сейчас не только в Крымской и Херсонской областях, но и в Краснодарском крае, Чимкентской области Казахской ССР, Ленинадской области Таджикской ССР и во многих областях Узбекской ССР» (с. 100). Что дают эти «частично», «в основном», «не только» без единой цифры, даже без общей численности крымских татар? И тут же вновь как обязательная иллюстрация очередной «список» народов Крыма: «В экспозиции Крымского областного краеведческого музея в настоящее время широко представлены материалы о всех народах области: армянах, греках, русских, украинцах, белорусах, болгарях, крымских татарах» (с. 101). Жанр изложения остается тот же.

Теперь нам осталось определить этот жанр. Что ж, назовем его прямо: перед нами поспешно написанный популярный исторический путеводитель. Отсюда понятны его характерные черты: названия глав, напоминающие заголовки стенов или разделов учебника; безапелляционность изложения, когда подается одна, как бы единственно существующая версия; огромное количество опечаток (типа «эхи», «Магуп», «Бскир, Умеров» и др.); соединение под одной обложкой всей истории от бивней мамонта до портретов передовиков производства.

Вот мы и прощались вместе с авторами по залам крымской истории. Но у науки, как известно, свои пути развития. Один — это смелые озарения, уникальные находки, яркие интерпретации. Другой — систематическое накопление источников и фактов с постепенным продвижением по всему фронту познания. Но никогда наука не продвигалась вперед написанием путеводителей. Такой путь заведомо губителен и для ученых, и для читателей, получающих в солидной упаковке суррогат научного процесса.

Хорошо, что наши коллеги-историки целенаправленно обратились к освещению прошлого Крыма. Можно надеяться, что впредь в нем не будет пропусков и пустых страниц, характерных для прежних изданий. Поэтому мы с нетерпением будем ждать новых публикаций — сборников статей, научных дискуссий. Только так «прошлое и настоящее» может стать подлинной крымской историей.

И. И. Крупник

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

J. Cuisenier, M. Segalen. Ethnologie de la France. P., 1986. 127 P.

Книга «Этнология Франции» опубликована в популярной серии «Que sais-je?» («Что я знаю?») издательства «Presses Universitaires de France» (PUF) в 1986 г. Популярность в данном случае вовсе не означает невысокий научный уровень: основатель этой серии Поль Ангульван определял ее как «энциклопедическую коллекцию». Среди авторов выпусков — крупнейшие специалисты в различных областях знания. «Этнология